

тературы: «Пушкин и Гоголь, по темпераменту, — это два крайних полюса, и вдобавок по расовому типу не имеют между собой ничего общего. Один — характерный великоросс; другой — несомненный «хохлик», как он сам иногда называл себя...» (с. 451)¹⁰.

Необходимо оговориться. Боборыкин как читатель достаточно высоко оценивал творческое дарование Гоголя и в частной переписке неоднократно называл его великим сатириком¹¹. Раздражение же исследователя объясняется, во-первых, свойственным либерально настроенному Боборыкину неприятием «тенденциозности» социально-обличительного характера, а во-вторых, тем, что признание плодотворности гоголевских традиций лишало универсальности главный теоретический вывод труда «Европейский роман в XIX столетии», согласно которому и западноевропейский, и русский роман необратимо и однолинейно эволюционировали «от субъективизма к более объективному творчеству» («Истинно-научное знание», с. 187).

Именно поэтому в боборыкинский перечень основных «вех» развития русского романа попали «„Онегин“, „Капитанская дочка“, „Герой нашего времени“, „Семейная хроника“ Аксакова, все лучшее, что создали Тургенев, Гончаров, Григорович, Писемский и, наконец, самый сильный творческий талант русского художественного бытописания граф Л. Толстой» («Русский роман...», с. 306), но не попали ни «Петербургские повести», ни «Мертвые души». Показательно и отсутствие в этом перечне Достоевского, к творчеству которого, исключая «бытописательные» «Записки из Мертвого дома», Боборыкин относился по тем же причинам сдержанно.

Прослеживая эволюцию русской литературы от некоего «субъективизма», знаменующегося якобы «романтическим произволом», тенденциозностью и отсутствием бытописательных намерений, к «объективизму», понимаемому в духе натуралистических деклараций Э. Золя, автор «Русского романа до эпохи 60-х годов» констатировал: «Почему-то романтизм не играл у нас и одной трети той роли, какая ему выпала на Западе. Даже два таких русских байрониста, как Пушкин и Лермонтов, как только приступили к замыслам романов, с матерьялом из современной жизни, выказали себя трезвыми художниками...» (с. 307).

И более того, по мнению Боборыкина, предвосхищающему до известной степени современные научные представления о генезисе реализма, «тогдашний романтизм заключал уже в себе как бы преддверие реальной литературы...» (с. 46).

Решающую роль в формировании эстетического кодекса русского реалистического романа сыграл Пушкин: «Русский художественный роман встал на ноги только с „Евгением Онегиным“ Пушкина. Если лицо самого героя и не может быть названо положительным, в смысле полной нравственной самостоятельности, то все-таки же оно характеризуется приемами объективного изображения» (с. 305).

Именно в произведениях Пушкина и Лермонтова, пишет Боборыкин, на первый план вышли уже не романтический вымысел, не сатирически сфокусированная тенденциозность, а «сама жизнь, без крайностей мелкого реализма, без ненужной фотографичности, с полной свободой творца-художника, но правдивая и верная, и в содержании, и в тоне» (с. 307).

При всех заблуждениях Боборыкина, при всей ограниченности и схематизме его взглядов привлекательной стороной его исследовательской

¹⁰ С еще большей определенностью это положение сформулировано в статье «Эволюция русского романа». «Пушкин в Онегине — настоящий великоросс, тогда как Гоголь был малоросс, когда он описывал крестьян и мелких помещиков своей Украины. Ни Тургенев, автор *Записок охотника, Дворянского гнезда*, всех лучших своих повестей, ни Толстой, автор *Казаков, Войны и мира*, — не исходят от *Мертвых душ*» (с. 11).

¹¹ См., например, письмо А. А. Луговому (Тихонову) от 4 марта 1909 г. — «Изв. Азерб. ун-та им. В. И. Ленина. Общественные науки», 1926, т. 6—7, с. 140.